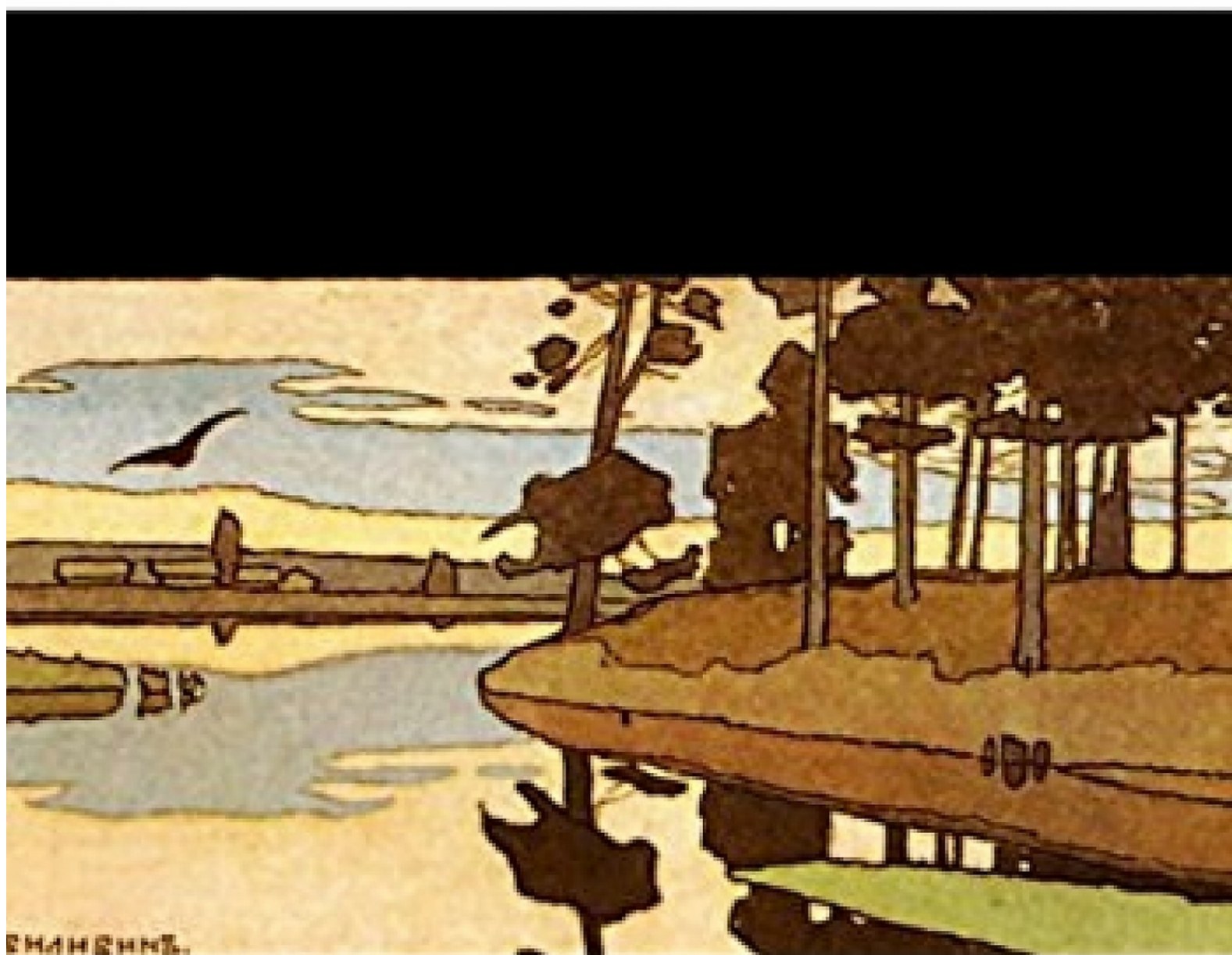

Станислав Хабаров
Сказка о голубом бизоне

Станислав Хабаров
Сказка о голубом бизоне

«ЛитРес: Самиздат»

1986

Хабаров С.

Сказка о голубом бизоне / С. Хабаров — «ЛитРес: Самиздат», 1986

Это научная сказка для самых маленьких. В ней сказочные чудеса и популярное изложение научных основ мироздания. В форме, доступной для детей 5-7 лет, в ней излагаются особенности микромира и физики элементарных частиц, понятия вакуума, аннигиляции, основ квантовой механики, теории относительности и топологии. Это современная сказка и одновременно популярная физика для самых маленьких. На обложке картина И.Я. Билибина.

В дороге

В одном городе, на шумной улице, в высоком многоэтажном доме жил-был большой бородатый человек – Художник. Он рисовал картинки к волшебным сказкам и временами так увлекался, что забывал обо всем на свете. Так получилось и на этот раз. Всю зиму он рисовал картинки к сказочной книге и словно сам участвовал в удивительных приключениях.

Закончив книгу, он вышел на балкон и увидел, что пропустил весну. Сгинули неизвестно куда последние сугробы, высохли бойкие весенние ручейки, и деревья, нежно-зелёные и прозрачные весной, оделись плотной листвой. А вместо зимнего студёного ветра дул теперь ласковый тёплый ветерок и словно звал его за собой.

– Ай,-яй-яй, – огорчённо сказал Художник. Обычно весной он любил путешествовать по маленькой речке – Снежке. Она рождалась весной из снега, а летом совсем пересыхала и каждый год текла по новому месту. Художник плыл по течению в лодке и рисовал всё, что ему встречалось: кусты, глядящие в воду, зелёный луг, пасущуюся на лугу корову.

Собрался Художник скоро. Положил в заплечный мешок складную лодку, кисти, краски, немного еды, приколот к двери записку: "Вернусь через три дня" и вышел из дому.

Город выглядел как всегда в начале лета. На перекрёстках стояли бочки с квасом, а в центре на площади бил фонтан. Художник шагал большими шагами по городу и улыбался солнцу и птицам. И в центре на бортике у фонтана он увидел грустного Малыша.

Он знал в лицо многих городских малышей. Они бывали весёлыми и озорными, задумчивыми, занятыми своими неотложными делами.

А этот выглядел грустным. И Художник, разумеется, поинтересовался, что с ним произошло?

– Да, вот, – кивнул на фонтан Малыш, – дал им поиграть, а они...

На вершине фонтана подпрыгивал в водяной струе хорошенький красный мячик, а вокруг его плясали и веселились водяные капельки.

– Смотри, заигрались, а мне некогда.

Художник любил наблюдать весёлый народец – водяные капельки. Они плясали в фонтанах и в лужах во время дождя, а если дождь в этом месте кончался, переходили в другое место по радуге-дуге. И теперь они развлекались, прыгали с верхушки фонтана на поверхность воды. А одна капелька даже выпрыгнула на тротуар и, прокатившись в пыли, оделась в смешную ворсистую шубу из пыли.

– Они готовы играть хоть целый день, – сказал Малыш, – а у меня дела, мне некогда.

– Что же ты делаешь, занятый человек?

На эти слова Малыш не ответил, насупился, потому что был сейчас не склонен шутить.

– Сначала выручи, бородач, – попросил он, – достань мячик. Не оставляй человека в беде.

– Тогда держись, – предупредил Художник. Обеими руками он перегородил струю. Вода брызнула в разные стороны, а красный мяч упал в траву. От брызг и Художник и Малыш стали мокрыми.

– Спасибо, – поблагодарил Малыш. Он был человеком воспитанным. – А то другие... И выручат, но нашумят, нажалуются хуже малышей. А ты – бородач и жаловаться тебе ни к лицу.

– Жаловаться никому ни к лицу, – ответил Художник.

Но Малыш тяжело вздохнул.

– Но я лишь проверил тебя, – произнёс он, – а теперь выручи от неминуемой беды.

– Да в чем беда?

– Встречаются ещё на свете злые люди. И один из них пошутил, нарисовал на стенке ласточкино гнездо, а настоящее гнездо забелил. Ласточка спутала, влетела с размаха в стенку

и расшиблась. Теперь её птенцов некому кормить. Пока-то я кормлю, только в понедельник меня отправляют за город, на лето, в лагерь, как и другую детвору. А взрослые – очень замороченные. Пообещают и забудут. Но ты человек слова.

– Дела, – поправил Художник.

– И дела, – согласился Малыш, – и не должен забыть. Обещаешь вернуться через три дня? Художник очень любил зверей и птиц, и когда путешествовал по речке весной, не раз выручал их из беды в половодье.

– Обещаешь?

Художник пообещал и снова заспешил. Но когда он подошёл к реке, то увидел, что речка высохла, и ему долго ещё пришлось идти по течению, добираясь до большой воды. Там он быстро собрал складную лодку, сел в неё и поплыл.

Он плыл и смотрел по сторонам, потому что нет ничего дороже для Художника, чем новые впечатления. Он плыл по тёмной неглубокой воде среди ярких кувшинок и нежных лилий, высоко высовывающихся из воды и покачивающихся на волне.

Полянка желаний

Речка была коричневой от торфа, и нужно было тщательно глядываться, чтобы не наскочить на притаившиеся в воде корягу или сук. Берега то отступали, то сближались, кусты местами сплелись над водой и, чтобы проплыть, приходилось раздвигать их руками. Художник плыл, смотрел в воду и у него устали глаза. Солнце уже опускалось над лесом и начали закрываться цветы.

Пение птиц становилось всё громче. Лягушки хрипло прочищали горло и вдруг затрубили дружно и слаженно со всех сторон. Над самой водой стремительно проносились стрижи, да летучие мыши чертили замысловатые зигзаги на малиновом закатном небе.

Художник был опытным путешественником. При знаках приближающейся ночи он начал подыскивать место для ночлега. Однако берега по сторонам были болотистыми и топкими. Но вот кусты расступились и стало видно далеко впереди.

Темно-зелёными барашками убегали вдаль холмы, коричнево-чёрной лентой текла между ними река, и там, на изгибе её открылось вдруг необычное место. Отдельный яркий луч света упал на высокий холм, и странно выступили среди сгустившихся теней шеренги белых берёз и голубых елей, спускавшихся парами с холма. Сжималось сердце от необыкновенной красоты, но почему-то казалось, что здесь чего-то не хватает.

"Здесь должен быть домик", – подумал Художник. Он часто смотрел на всё, как на будущую картину, а на картине здесь не хватало домика. И вдруг (или это ему только показалось) из елей, берёз и кустов выглянул аккуратненький беленький домик с высокой черепичной крышей и острым шпилем.

Последний луч солнца прикоснулся к нему, и тут на его верхушке сверкнул сияющий золотой шар.

"Как в сказке", – подумал Художник, и ему захотелось в сказку. Тогда не нужно будет выдумывать, и он всё бы правильно нарисовал.

Стемнело. Он вытащил лодку и начал разыскивать хворост для костра. Небо позеленело, и только нежное розовое сияние указывало над потемневшим лесом солнечный след.

"Был ли там домик или ему только лишь показалось?" Ответ на этот вопрос придётся отложить до утра. Уйдя от берега, Художник не боялся заблудиться, потому что от реки дул ласковый тёплый ветерок. Художник шёл, разыскивая ветки для костра, и не заметил, как подошёл к необыкновенной полянке, заросшей высокой душистой травой. Над закрывающимся на ночь цветком порхала бабочка. Должно быть она упрасивала цветок.

– Ах, пожалуйста, не закрывайтесь. Я не успела поужинать. Умоляю вас.

А цветок, возможно, ей строго отвечал:

– Я закрываюсь в назначенный час. Такой порядок. Я приму вас завтра первой с утра.

У цветов, конечно, свои заботы. Им, к примеру, нужно закрыться на ночь, привести в порядок себя, чтобы с утра поражать всех свежестью и красотой.

"Интересно попасть в их мир", – подумал Художник, – проникнуть в жизнь бабочек и цветов. Услышать их тайные разговоры, понять язык, купаться в ароматах, а для того стать маленькими, как они. Тогда бы прямо здесь, пожалуй, начались бы удивительные приключения. И можно было бы переночевать под лопухом, похожим на крышу пагоды. А если стать ещё меньше, самым маленьким, то можно повидать, не сходя с места, немало чудес.

И ему очень захотелось побывать в волшебной стране. Вокруг него всё действительно походило на сказку, и голубая шелковистая трава, и домик с высокой сказочной крышей, то ли действительно показавшийся, то ли померещившийся ему.

Едва успел он об этом подумать, как трава по сторонам начала расти. Вот она сделалась уже ему по пояс и всё росла выше и выше. Травинки выстроились по сторонам, точно зелёные стволы, верхушки их уходили ввысь и, чтобы увидеть их, приходилось задирать голову. Но почему трава выросла? И тут Художнику пришла в голову мысль, что не трава растёт, а он уменьшился. Наверное, и впрямь он оказался на полянке желаний, где все желания сбываются. И он закричал, что было мочи: "Хочу стать самым-самым маленьким, побывать в сказочной волшебной стране и в понедельник вернуться обратно".

Услышала ли теперь его желание полянка? Ведь голос его сделался очень тонким, пожалуй, потоньше, чем у комара? Но не всегда ведь обязательно громко кричать, чтобы тебя услышали. И громкий крик – не самый убедительный, когда речь идёт о желании. Да, и волшебные желания не обязательно повторять вслух, достаточно подумать о них.

Художник становился всё меньше и меньше. Земля, казавшаяся прежде твёрдой и ровной, состояла теперь из отдельных комков. Между ними зияли огромные дыры. Вдруг стало темно, как в непроходимом лесу. А ветерок, прежде слабый и ласковый, задул с непреодолимой силой. Он подхватил Художника и понёс.

На краю Мира

Долго ли, коротко ли он летел? В темноте трудно разобраться во времени. Темнота была, как говорится, хоть глаз выколи. Иногда вдруг снизу тянуло сыростью, и Художник догадывался, что летит над водой, иногда до него доносились ароматы хвои, трав, сладкий запах дыма. Воздух вокруг был насыщен электричеством и всё время потрескивало, а порой появлялись искры, и раздавался треск, словно рвали крепкое полотно.

Внезапно разом посерело вокруг. Он влетел в рассвет и стало видно далеко по сторонам. Внизу пронеслась необыкновенная страна. Он пролетал над городом.

Взбегали на горбатый пригорок невысокие дома и теснились к площади. На круглой центральной площади ещё горели ночные фонари. В домах растворялись окна, и жители выглядывали и здоровались. А на деревьях под окнами висели вниз головой разноцветные попугаи, и они кивали и здоровались. Художнику захотелось как следует рассмотреть городок, но он пронёсся над ним на огромной скорости. Мелькнули дома с разноцветными крышами, причудливый замок с башнями и высокой стеной.

Из города выбегала красная дорога, петляя между холмов. Там, где она кончалась, стоял полосатый шлагбаум. На каменной площадке расставлены были пушки из красной меди, а рядом маршировали солдаты в малиновых мундирах и ими командовал усатый капрал. Он сам был одет в оранжевый мундир, в сапоги с отворотами, и длинная сабля волочилась за ним по земле.

За городом начинался разноцветный лес, напоминавший с виду морскую траву. Чуть в стороне виднелись огромные мастерские, а дальше шли холмы, пустые и голые. Полупрозрачные они тянулись очень далеко, точно из целого моря приготовили желе. А может были они из студня или киселя, как в сказке: молочные реки, кисельные берега.

Холмы дрожали и колебались и походили ещё и на огромных медуз. Опустись вниз, и они обожгут тебя. И, может, они ледяные или из цельного стекла, и тогда о них можно ушибиться.

Художник летел очень быстро. Он чувствовал себя пушинкой, невесомым, и то взмывал, то опускался, и это было необычно. Он даже присвистнул от удивления. Однако свиста не услышал, будто летел в пустоте.

"Неужели, – подумал он, – я провалился сквозь землю и уже лечу в космосе?"

Впереди, среди пустынных холмов зажглись цветные шары. Они сияли разным цветом – фиолетовым, синим до голубизны, жёлто-красным, какой бывает восходящая над морем Луна цвета раскалённого железа. И стало видно, что впереди, за холмами – такой же город. Он даже подумал, что перед ним огромное зеркало. Нет, это было не зеркало, иначе он бы увидел в нём себя. Впереди тоже стояли пушки и возле них маршировали солдаты. Ими командовал усатый капрал в зелёном мундире, а солдаты были в синем и маршировали: не "левой, левой", а "правой, правой" и отдавали честь левой рукой.

Приглядевшись, Художник понял, что это другая страна, очень похожая на ту, что он только что пролетел, и всё же иная. Например, дома здесь были не достроены, словно не хватило материала или их строили впопыхах. Только разглядывать ему её было некогда, потому что он начал снижаться.

Под Художником проносились одинаковые восковые холмы, словно спины белых слонов. Чего доброго опустишься, и они растопчут тебя.

Он нёсся так, что захватывало дух. Вот он уже коснулся холмов и заскользил по ним, точно они были покрыты льдом или отлакированы. И в то же время они оставались мягкими, колыхались и ворочались под ним.

Он чувствовал себя словно конькобежец, разогнавшийся на катке, или как на водных лыжах скользил за катером. Но вдруг блестящая, скользкая поверхность закончилась, впереди была рыжая полоса. Художник взмахнул руками, точно конькобежец, вылетевший со льда на асфальт, и покатился кубарем.

Человек-капелька

Придя в себя, Художник ощупал руки и ноги: целы ли? И с любопытством огляделся. Прямо перед ним светился огромный мерцающий шар. Его свечение то тускнело, то разгоралось. Внезапно шар лопнул, и из него вылетело что-то мохнатое искрящееся, с виду похожее на шмеля. Но это был необыкновенный шмель – мохнатый от искорок, сверкающий. Он взвился вверх, полетел по дуге, больно толкнул Художника и даже сшиб его с ног. Когда Художник поднялся, шмеля не было. Вокруг простирались унылые голые холмы.

Художник пытался пойти по ним, но это было не просто. Он словно шёл по глубокому снегу. Шагал и проваливался в прозрачном киселе, поскользывался, взмахивал руками, стараясь обрести равновесие, но мягкая, странно колышущаяся земля уходила из-под ног. Он, как ребёнок, учился ходить заново, и в этом что-то ему мешало. Сначала Художник подумал, что это должно быть вернувшийся шмель, но приглядевшись, увидел: перед самым его лицом танцует водяная капелька.

Художник хотел было дунуть, прогнать эту капельку, как надоевшего комара, но понял, что вокруг него отчего-то нет воздуха, и нельзя ни дунуть, ни крикнуть в пустоте.

Сначала капелька показалась ему радужным пятнышком, но, приглядевшись, Художник увидел, что у неё есть маленькое личико, да и сама она – крохотный танцующий человечек. Одет он был в необыкновенную одежду из множества мыльных разноцветных пузырей. Они сверкали и переливались с неярким блеском, словно внутри их было налито расплавленное золото или серебро. Серебро это переходило в золото и то тускнело, то разгоралось.

Внезапно гладкие покровы одежд вспенились, на них возникли затейливые узоры. Да, и не кружева это были вовсе, а нежные бутончики. И вот они распустились цветочным облаком. Цветы эти походили на все цветы разом: на розы, георгины, орхидеи, но больше всего они напоминали пионы, хорошенькие разноцветные пиончики. Желтоватые и нежно-розовые, переходящие в голубой и опаловый цвета. Стебельки их были в мелких колючках, как у шиповника. И человек-капелька плясал себе в одежде из лепестков и казался весёлым и беззаботным.

Художник раньше даже не мог себе представить одежду из цветов и с удивлением разглядывал цветочные шубу и фуфайку. Цветы распускались и увядали и расцветали вновь и делали человека-капельку пушистым и толстым. Приплясывая, он срывал на себе цветы, бросал их Художнику и сам их ловил, как умелый жонглёр, и прижимал к сердцу, отчего и без слов было понятно, что человек-капелька приветствует Художника. Приятно стало Художнику, что здесь далеко от дома, в этой необыкновенной стране его приветствуют языком цветов.

О многом может поведать цвет. Покраснел, скажем, человек, значит ему стало стыдно или жарко, побледнел – выходит испугался, посинел – замёрз; пожелтел от болезни, почернел от горя. Художник хорошо разбирался в цветах. До этого он служил на флоте и знал, что корабли в море объясняются с помощью цветных шаров. Один корабль поднимает на мачте цветные шары: "Счастливого плавания". Другой корабль отвечает: "Спасибо. У нас кончился запас воды". И корабли подходят и делятся водой.

Цвет человека-капельки менялся, и Художник вдруг понял, что ему о чём-то рассказывают цветом, но делают это так быстро, что он не успевает разобрать. Тогда он показал: "Помедленнее, пожалуйста". И человек-капелька понял его и начал медленнее изменять свой цвет. Внезапно Художник с удивлением обнаружил, что отлично понимает его.

– Сначала я подумал, – объяснил ему, меняя цвет, человек-капелька, что ты ужасный косматый зверь Гиперон. Тогда ты должен спешить себе по неотложным звериным делам и превращаться в других зверей. Но ты, я вижу, не зверь Гиперон. Наверное, ты просто великан, свалившийся мне на голову. Откуда ты, если не секрет, из страны Грёз?

Художник не знал, как ему ответить. Он было достал из кармана блокнот и начал рисовать, пробовал показывать руками, пока не обнаружил, что человек-капелька и без этого понимает его. Он просто подумал, что хочет рассказать о том, что он из страны, где горы и реки, где города и множество людей. Он думал, а лицо его, изменяя цвет, рассказывало за него. Обычно люди не замечают цвета лиц, и обращая на это мало внимания, объясняются словами, но в пустоте невозможен обычный разговор. И человек-капелька понимал его без слов и сам спрашивал, изменяя цвет. Так они и разговаривали.

– А ты из Мира, – просиял человек-капелька, радуясь тому, что понял Художника, – тебе нельзя оставаться здесь, тебе грозит страшная опасность – тебя могут разорвать звери-перевёртыши.

Но Художник пока не видел опасности. Ему было любопытно.

– Куда я попал? – подумал он.

И человек-капелька понял его.

– Ты в Пограничье, на самом краю Мира, – объяснил он. Там, откуда ты прилетел и здесь – всё Мир, а вот уже далее, за холмами и бездонной пропастью – чужая страна, Антимир. Она – враждебная нам страна, но с виду не поймёшь. Всё у них вроде бы как и у нас, похожее. Когда они строят, то подражают нам, обезьянничают, но у них мало материала. А потому все в их стране многое не достроено: сторожевые башни, трубы и крыши домов. В жизни у них по

сравнению с нами – всё наоборот: хорошим для них считается злой человек. Наш Мир и их Антимир не могут жить вместе. Стоит коснуться меня человечку из Антимира и происходит взрыв, взорвёмся и я и он, оба. И если столкнутся случайно наш и их зверь, то тоже взорвутся.

Когда-то мы воевали друг с другом, но позже поняли, что войны для нас бесполезны и в них никто не побеждает. С тех пор мы перестали воевать, и главное правило наших стран – жить в мире. Мы перебрасываемся только комочками света, потому что свет и цветы не знают границ и приятны всем.

Человек-капелька сорвал вдруг с себя цветок и с церемонным поклоном бросил его Художнику.

– К вам.

«Какой прекрасный обычай», – подумал Художник и, подражая человечку-капельке тоже поклонился и бросил цветок обратно: к вам.

– Мы так всегда приговариваем, – объяснил человечек-капелька. – у нас так принято повторять: к вам, к вам. И потому сам цветок называем "квантом". Мы перебрасываемся и комочками света. Они у нас, как и в Антимире – привет и лакомство. Мы перебрасываемся ими и с незнакомцами. Ведь не поймёшь: откуда он? Может из Антимира? Ты подойдёшь к нему поздороваться за руку и взорвёшься. Рукопожатия нам строго-настрого воспрещены.

– Кому это нам?

– Охотникам. Ведь мы – охотники Пограничной страны. Мы здесь охотимся на зверей-лазутчиков из Антимира, которые принимают вид переменчивых зверей.

– Откуда звери? – удивился Художник, обводя взглядом пустые холмы, голые и прозрачные, подсвеченные мертвенным светом мерцающих шаров. И очень пусто было вокруг, хоть шаром покати.

– Откуда? Ах, откуда же? – повторила капелька с лукавым видом. И по всему было видно, что объяснялась она с удовольствием. Намолчалась, видимо, и ей хотелось поговорить.

– Да, оттуда же, из Антимира, закордонной, враждебной Страны. И вообще здесь зверей полно. Видимо-невидимо. Залегли себе, валяются в крошечной тьме. Обленились, стали прозрачными от голода, ни на что у них теперь не хватает сил. Но стоит их растормошить...

И Охотник-капелька ухватился за складки холма обеими руками и начал его трясти. Затряслись, заколыхались холмы, заходили ходуном. В прозрачной их глубине возникло что-то неясное, зашевелилось и разом кинулось вверх, к поверхности.

Из студня холмов выглянули пучеглазые зверюшки-пучеглазы, похожие на глазастых рыб. Пучеглазы то выглядывали, то прятались. Появились и наглые бокогреи, разлеглись хозяевами на холмах, подставляя бородавчатые бока летящим искоркам, и тут же начали ссориться между собой.

– Их здесь видимо-невидимо, – объяснил капелька-охотник, – но невидимо больше, чем видимо. Здесь ведь все питается светом, но долго было темно, и они сделались тонкими и прозрачными, лежат себе в глубине, но всё равно я их чувствую: есть и похуже некоторые.

И Охотник-капелька что было сил начал трясти дрожащие холмы. Вдруг из глубины поднялось что-то большое, неясное. Из желе холмов показалась огромная спина со множеством гребешков и наростов, а затем и само страшило-чудище: чудо-юдо-рыба-зверь. Голова у него была маленькая, зубастая,

на длинной шее, лапы кривые, тело чешуйчатое, хвост в шипах. Сначала чудище высвободило три лапы, напряглось и выскочило из желе. Затряслось, отряхиваясь, словно вылезшая из воды собака, зашлёпало лапами, подняло трубой хвост. Рывком вытащило огромный жабий живот. Осталась в желе только задняя лапа. Вот-вот чудище вытащит и её, сделается проворным. И тогда от него не спрячешься.

Капелька-Охотник перестал трясти мягкие холмы. Бородавчатый зверь грозно сверкнул глазами. Для полного освобождения ему чуть-чуть не хватило сил. Гребешки его разом поднялись, он шлёпнул лапами, подпрыгнул и провалился и исчез в глубине.

– Здесь уйма зверей, – объяснил Охотник. – затаились и ждут, но у них мало сил. Добрых зверей немного, а эти лучше бы и не появлялись совсем.

– Они всегда очень слабые?

– Слабые от голода, а наедятся – становятся просто бешеными и готовы вцепиться в каждого встречного. Я всех их чувствую: и тех, что пока слабы, и тех, что уже накопили немного сил. Не знаю, как, но я их чувствую и готовлюсь к отпору. А вот тебя они могут запросто погубить. Я не прощу себе тогда, что бросил тебя. Идём, я тебя провожу.

Кругом, насколько хватало глаз, простирались одинаковые холмы, в глубине их что-то порою вспыхивало, возникало и исчезало.

– Опасно здесь, – объяснил Капелька-Охотник, в любой момент может появиться кто-нибудь и толкнуть, а от толчка начинаются превращения.

"Очень странно. – подумал Художник, – что обычно случается от толчка? Разве что синяк? А от синяка здесь в разговоре появится грустный тон. И только? Но ведь Капелька предупреждает об опасности".

– Пошли.

– Идём. Как мне тебя называть? Скажи своё имя.

– А у нас в Пограничье у капелек нет имён, – призналась Капелька, – у нас только дразнилки-прозвища. Всех охотников здесь называют Протонами. Таков обычай, для всех найдется имена-дразнилки. И про охотников ходят у нас охотничьи истории. Мы сами друг с другом по-охотничьи делимся: про то, про то... Оттого нас и зовут Протонами. Это прозвище всех пограничных охотников. Но ты зови меня Маленьким Охотником. Хорошо? Ведь я ещё совсем маленький, мне исполнилась тысяча лет, а потому я – неопытный и знаю не всё.

– У всех, у всех имена-дразнилки? – удивился Художник.

– У всех, – закивал Маленький Охотник. – Вот мы – водяные – человечки. И в мире нас называют водяной род – водород. Из нас составлена и ваша вода, водяные капельки нам дальние родственники. Мы очень древний трудолюбивый народ. Но есть у нас и свои бездельники. Они делают вид, что вечно заняты и непрерывно повторяют: Я занят, не троньте меня, не тронь... Не тронь, не тронь... А потому-то их так и зовут – Нейтрон. Нейтронами.

Охотник рассказывал и было видно, что для него это очень грустная история.

Художник уже научился разбираться в настроении Маленького Охотника. Когда ему тот стал рассказывать про дразнилки, то покраснел, а повторяя объяснения – желтел, рассказывая о Нейтроне, стал грустным, сиреневым. И от него летели к Художнику невесомые зайчики, световые росинки. Художнику были приятны их прикосновения.

– А как зовут эти искорки – капельки света? – спросил он.

– У нас обычно их обзывают Фотонами.

– А отчего?

– Обычно в нашей стране темно. И вот в темноте появляется первый комочек света, и дети радуются и кричат: «Вот он, вот он», – и ловят его ладошкой.

«Дети всюду одинаковы, – подумал Художник, – и у нас им нравится ловить ладошкой солнечные зайчики».

– Но дети не всё чётко выговаривают и чаще получается:

"Фот он, фот он". И искорку так и зовут: "Фотоном". У нас в стране есть свои скороходы, и всем, кто пытается их догнать, они кричат: "Утри нос". За что их тоже дразнят – Утринос.

Какое-то лёгкое воспоминание возникло в голове у Художника. Но тут же оно исчезло, и он не вспомнил ни обещания, данного Мальшу, ни забот последних дней. Вспоминалось только давно минувшее. Просто покинутый Мир.

– У нас есть тоже капельки, – поделился он с Маленьким Охотником. – Они у нас постоянно веселятся: в фонтанах, в лужах во время дождя. Пляшут и беззаботно прыгают.

Маленький Охотник покивал из вежливости, потому что он не знал, что такое дождь или фонтан. Он ведь никогда не видел фонтана. Он покивал из вежливости и продолжал рассказывать про свою страну.

– Мы – водяные человечки, только когда имеем электрическую пулю – Электру, а без пули нас дразнят Протонами. Но ты, пожалуйста, называй меня Маленьким Охотником. Ведь я – Охотник в любом случае: с пулей и без неё.

– Конечно, – согласился Художник, – вот я – Художник и тогда, когда я не рисую, но рисовать мне постоянно хочется.

– А ты рисуй, – предложил ему Маленький Охотник.

– Кого?

– Здесь скоро много всяких появится. Вот-вот начнётся карнавал.

Праздник цветов

– Карнавал? – удивился Художник. – И тебе хочется погулять на карнавале?

– Нет, карнавал – не у нас, – объяснил Маленький Охотник. – Он в Антимире.

Он почему-то даже чуточку обиделся, и обнаружилась обида фиолетовым цветом, а объясняя он пожелтел.

– Мы не ходим друг к другу в гости, и в знак приветия, разве что, перекинемся цветком. Карнавал у нас называют Праздником Цветов. Ведь цветы везде одинаковы: у нас, и в Антимире, но у нас преподносят цветок,

а у них ими швыряются или стреляют из пушки. В Антимире в дни карнавала на карнавальном площади устанавливают пушку, и местные жители окружают её кольцом. Они теснятся, стараются выбраться в первый ряд. Пушка, заряженная цветком, стоит на скользком месте и её раскручивают. Она вертится и выстреливает, и с тем, в кого попадает цветок, начинаются удивительные превращения.

– Но отчего?

– Дело в том, что маскарад в Антимире – не карнавальные костюмы и маски, а удивительные превращения. Там можно запросто сделаться пингвином, слоном и обратиться на время даже в ужасного зверя Гиперона. Нам очень нравятся ласковые звери, но в Антимире – всё наоборот, и её жители мечтают превратиться в самого ужасного зверя.

– Но как? – удивился Художник.

– Это необычная пушка, – продолжал Маленький Охотник, – с тем, в кого она попадает, начинаются удивительные превращения. Когда в кого-нибудь попадает цветок, он ничего уже не соображает и несётся сломя голову и иногда даже попадает в нашу страну. К карнавалу сюда из Страны Насмешливых Колдунов присылают особые клейкие дорожки. На них особенно-то не разгонишься. На этих дорожках гости из Антимира начинают тормозить и испытывают особые превращения до тех пор, пока не превращаются в самих себя. Тогда они точно спросонья оглядываются и убегают обратно в свою страну. А мы им сигналим большими светящимися фонарями: поостерегитесь, вы попали в чужую страну. Сначала сигналим фиолетовым, затем предупреждающим – жёлтым и, наконец, запрещающим красным. Они же люди разумные и не злоупотребляют.

– А если из Антимира явится не карнавальный, а настоящий дикий зверь?

– Быть тогда большой беде. Столкнётся он кем-нибудь нашим Мире, и оба взорвутся. Так постепенно звери-лазутчики могут разрушить нашу страну. На пограничной клейкой дорожке звери-лазутчики теряют силы и превращаются

в зверюшек помельче, а те бегут стаей, и за ними трудно уследить.

“И у нас так, – подумал Художник, – крупный зверь бродит самостоятельно, а помельче бегают стаей”.

– Они бегут и теряют силы и снова превращаются, – продолжал Маленький Охотник. – Таков обычай этой страны. Они превращаются в меньших зверей, пока, наконец, не становятся крысами и саранчой.

“И у нас так, – подумал Художник, – появляются откуда-то тучи саранчи, от которых немало бед. То и дело приходят сообщения: саранча съела урожай, а жуки погубили картофель”.

– Очень важно вовремя распознать: карнавальная это зверь или нет? – продолжал Маленький Охотник. – Настоящего нужно встретить лицом к лицу. На защите Мира стоят, конечно, солдаты и пушки, но чем дальше, тем звери мельче и трудно попасть в каждого из них.

Художник с сомнением оглядел Маленького Охотника: какой из него защитник? Он выглядел беззащитным и голеньким.

Но человек-капелька тут же прочёл мысли Художника и не обиделся.

– Не думай, – возразил он, – я не просто – капелька, я вооружён. Отойди подальше, пожалуйста.

Художник отошёл в сторону и стал смотреть, как Маленький Охотник

начал раскручивать около себя искрящийся светлячок, который принял вначале за шмеля, того, что преобильно ударил его.

“И это не шмель, – догадался Художник, – а электрическая пуля – Электра”. И ему захотелось разглядеть Электру получше.

Но пуля вращалась и походила на светящийся светлячок и на искрящегося шмеля, или на жука с зеркальным панцирем, и, может, что-то в ней было и от рубинового колибри – крохотной птички, когда порхает она рядом с цветком в потоках золотистого света.

Электра вращалась всё быстрее и вскоре слилась в светящееся радужное облако, в большой расцветенный шар. Из шара внезапно словно повалил снег. И это были не снежинки, а световые зайчики. Они слились, наконец, в сплошной поток и свет заструился вокруг. Он был поначалу ослепительно белый, затем голубым, после оранжевым, потемнел и даже казался чёрным. Искусство Охотника состояло в умении сделать его мерцающим или светящимся ровно. И только самым большим мастерам удавалось вращать пулю так, что она становилась невидимой.

Должно быть, Маленький Охотник считался искусным мастером, потому что он вращал пулю – светлячок так, что облако оставалось прозрачным и сквозь него было видно и его самого. Затем по желанию он демонстрировал разные цвета, и, наконец, отпустив пулю, вновь стал голенькой капелькой. Электра вмиг унеслась ввысь, и, превратившись, в мерцающий огонёк, исчезла.

Художник с опаской посмотрел ей вслед: не вернётся ли?

– Не бойся. Она ручная, – успокоил его Маленький Охотник.

– Выходит, пуля – живая? – удивился Художник.

– Конечно, – ответил Маленький Охотник, – и очень жадная. Не заметил, у неё тысяча ртов? И она вечно ест и давится от жадности. Непрерывно и неопратно.

Художнику было непонятно, как можно есть, вращаясь волчком? Но он не стал переспрашивать. Прервать Охотника было бы невежливо. А Маленький Охотник рассказывал, что очень трудно вращать пулю так, чтобы не было света. И всё равно какой-нибудь слабенький свет присутствует: чуть-чуть лазерный или опаловый или такой, что постороннему глазу не видно, а ты его замечаешь. У нас в Пограничье проводятся состязания по мастерству, так он – Маленький Охотник – обладатель серебряного пояса.

– Обычно здесь скучно и пусто, – пожаловался Маленький Охотник.

– Не горюй. Я поброжу о тобой, – пообещал ему Художник.

– Нет, – возразил Маленький Охотник, – я никогда не прошу себе, если ты на моих глазах будешь разорван зверями-перевёртышами. Это дикие звери, а добрых домашних у нас в стране пока ещё нет.

– А дикие звери не разорвут тебя самого?

– Нет, – заявил Маленький Охотник. – И это не хвастовство. Я очень увёртлив и с раннего детства приучал себя к толчкам и ударам. Конечно, сначала я ходил синий-синий, и тело моё выглядело сплошным синяком. Но я приучил себя терпеть и увёртываться. А тебе не уберечься, и тебя может разорвать зверь из Антимира. У нас в Пограничье выживают только Охотники.

Они подошли к дорожке из Страны Насмешливых Колдунов.

Должно быть она была из рыжего пластилина; такая клейкая и вязкая, что даже взгляд в ней вязнул, если посмотреть на неё.

– Такие необыкновенные дорожки присылают к карнавалу насмешливые Колдуны. На этих дорожках пробегающие звери непременно оставляют свои следы. У нас здесь обычно темно и самого зверя не видишь, но посветишь на дорожку и видишь его следы. А фонари мы зажигаем лишь перед карнавалом, хотя мы отчаянно любим свет и, наслаждаясь, купаемся в его лучах. Вот посмотри, здесь пробежал огромный Гиперон – Гиперонище Ужасный.

На рыжем глянце пластилина по склону холма отпечатались вереница следов. Вначале было отчётливо видно, что бежал слон. Такими большими бывают только слоновьи следы. Но через несколько шагов следы уменьшились и стало очевидным, что это был бегемот. А дальше и не бегемот, а вроде медведь совершил прыжок, а приземлился не медведь, а крокодил. На пластилине были отпечатки брюха и хвоста. А может это был лев? Вот чётко видны следы его когтистых лап. Но только тогда это был водоплавающий лев: среди когтей виднелись перепонки. И дальше вроде ползла то ли рыба, то ли змея, потом словно птица проковыляла на ходулях-ногах и много-много следов разных грызунов, которые дальше разом исчезли, должно быть, поднялись ввысь.

– Куда же они подевались? – недоумевал Художник. – Где слон и пришедший на смену ему бегемот? Они что поумирали?

– У нас никто никогда не умирает, – важно объявил Маленький Охотник, – а только превращается. Крупный зверь в мелкого. Гиперонище Ужасный в Гиперона помельче, который с виду разом похож на носорога, на бегемота и на жирафа.

А более мелкие Гипероны, с кабана похожи и на волков, и на тюленей, и на зебр. Те в свою очередь превращаются в дикообразов, сусликов, бурундуков, а дальше – в ос, комаров, тараканов и потом в микробов, которых и глазом не увидишь, но их-то вокруг полным полно. У нас – бессмертная страна: никто никогда не умирает и обязательно превращается в кого-нибудь ещё. Но мы с тобой заболтались. Тебе поскорее нужно отсюда уходить подобра-поздорову, а мне дежурить на посту.

Было забавно разбирать рассуждения этого крохотного человечка, хотя Художник и не очень поверил ему.

"Что может быть страшного в этих пустынных холмах? Куда не посмотришь, пусто вокруг. Должно быть все Охотники – выдумщики и хвастуны".

Гиперонище ужасный.

В этот момент что-то ярко сверкнуло и стало видно, что от пропасти Антимира сюда мчится косматый Гиперон. Даже издалека было видно, что он огромен и могуч. Наверное это был Гиперонище Ужасный. Чудовище быстро приближалось какими-то странными скачками прямо и вбок. Фигурой оно походило на слона и даже на мамонта. Красно-бурая шерсть свисала с него безобразными клоками. Местами виднелась и грязно-серая кожа, гладкая, как у кита, и в довершении всего торчал в уголках его рта свалывшийся китовый ус.

Вот в страшном прыжке ужасный зверь налетел на светящийся шар. И шар лопнул, а он уже мчался дальше, сотрясая холмы. Художник видел его теперь очень хорошо. Под клоками сизобурой и рыжей шерсти виднелся

светлый подшёрсток грязноватой желтизны. Передние ноги его были тонкими, как у жирафа, а задние, толстые и короткие, были чрезвычайно сильны. Хвост его был ни на что не похож. У основания, голый, как у ондатры, посредине пушистый леопардий с львиною кисточкой на конце. Весь в пене, в облаке пыли, однако вблизи стало видно, что это не пена и пыль, а цветочные лепестки.

Он пробежал в стороне, но и со стороны был страшен. Вот он спустился с холма и скрылся из глаз. Вот он взлетел на следующий холм, где дремал местный Гиперон. Точно подброшенные пружиной звери кинулись друг на друга, сцепились когтями, колючками и шипами и начали друг друга трясти. Их скрыли, окутали облака цветочных лепестков, наконец, внезапная вспышка осветила пустынные холмы, на которых только что были звери, и снова были они голыми и пустыми.

Теперь Художника не нужно было уговаривать. Он понял, что угодил на звериную тропу, с которой следует обратиться по добру – по здорову. Он с осторожностью поглядывал в сторону исчезнувших Гиперонов.

– Я слышал, – сказал ему Маленький Охотник, что в вашей далёкой стране, в Мире водятся разные звери, а у нас в Пограничье одни Гипероны, гиперон побольше, гиперон поменьше, и из них самый могучий – Гиперонище Ужасный. Ему одному по силам прыжок из Антимира. Конечно, здесь, на наших холмах водятся гипероны и поменьше, размером с волка или кабана, а есть с барсука и лисицы, и даже с бабочку или клопа. Но клоп тот похож разом и на жука, и на паука, на стрекозу и на краба-рака, овода-жужелицу. Чем больше сил у гиперона, тем больше он сам. Но стоит ему силы растерять, он превращается в мелкого зверя. На клейких дорожках гипероны теряют силы, мельчают и разбегаются в глубь страны... Поберегись!

Со стороны Антимира прыжками нёсся новый Гиперон. Он был, казалось, даже больше первого и нёсся прямо на них. С каждым прыжком чудовище продвигалось вперёд и в сторону, и было неясно, где оно окажется в следующий момент.

Передними лапами Гиперон угодил на дорожку рыжего пластилина и начал тормозить.

Вблизи стало видно, как на его тощей жирафьей шее напряглись толстыми верёвками жилы. Во лбу его торчал острый короткий рог, а тело его было сплошь усеяно шипами. Длинным хвостом он стегал себя в нетерпении по бокам. Шерсть возле головы походила на мех грязного белого медведя, и в ней встречались отдельные рыжие и оранжевые островки, смыкавшиеся на груди, а на спине переходя в пятнистую шкуру леопарда.

Чудище разевало пасть, и в ней виднелись ряды волчьих и акульих клыков. С них капала пена. И это опять-таки была не пена, а цветочные лепестки. Облака лепестков окутывали зверя.

Вблизи стало видно, что у ног гиперона крутятся мелкие звери, то появляясь, то исчезая в его густой шерсти. Целая свита горбатых маленьких бизонов окружала гиперона, выныривая из-под его толстого брюха и снова прячась. И вся эта стая неслась теперь по пластилиновой дорожке, сотрясая холмы.

– Всё, – мелькнуло в голове Художника. – Он оказался на звериной тропе и будет растерзан.

Рядом торопился и не успевал Маленький Охотник. Увлёкшись разговором, он упустил нужную минуту и не раскрутил пулю должным образом. Теперь, чтобы выиграть время, он бросал на пластилиновую дорожку охапку цветов. Электрическую пулю он крутил вокруг себя, как обруч Хула-Хуп.

Вот она раскрутившись слилась в радужное облачко. Оно было разноцветным. Маленький Охотник кинулся наперерез зверю. Крутясь

перед зверем, он бросал в морду ему колючие цветы. Облачко пули стало прозрачным, и Гиперон ринулся сквозь него. И тотчас прозрачный шар лопнул, как мыльный пузырь, а появившаяся пуля Электра описала короткую дугу и с ужасающей силой ударила гиперона в лоб.

Электра с виду казалась лёгким, искрящимся шмельём. На самом деле она была тверда, как алмаз и тяжела, словно пушечное ядро. Она ударила Гиперона в лоб и сшибла с ног. Вертевшиеся около него бизоны налетели друга на друга и началась общая куча-мала. Звери сшибались, испытывали превращения, но в конце концов обращались в охапки цветов. Цветы, увядая, вспыхивали яркими огоньками, превращались в искрящихся шмелей. А те тут же кидались друг на друга. Грустные пули вцеплялись в весёлых и рассыпались огоньками. В конце концов осталась одна самая весёлая пуля, улыбавшаяся тысячью ртов. Она оглядывалась по сторонам: кого бы ей разнести?

Но пуля Маленького Охотника бросилась ей наперерез. Они схватились и сверкнув исчезли, став световыми зайчиками. Вокруг разлилось ярчайшее сияние и в его ослепительном свете предстало чудесное видение – прекрасный Голубой Бизон. Он был невелик, размером с пони, и с головы до ног покрыт шелковистой голубоватой шерстью. Когда он встряхивал её, она взлетала и опускалась мягкими волнами, и не было зверя прекрасней и удивительней его. Он лишь мгновенье покрасовался, гордо повернув голову, и тут же исчез в облаке лепестков.

– Ты спас мне жизнь, – улыбнулся Художник Маленькому Охотнику, но тот выглядел озабоченным.

– Скорей, скорее, – заторопил он Художника, – тебе нужно бежать из Пограничья. А я провожу тебя. Я потерял свою пулю и безоружен. Какой теперь я Охотник? Мне нужно спешить за новой на оружейный склад. Без пули я не смогу никого защитить. Какой я Охотник без пули?

За электрической пулей.

Потерять пулю было для Охотников обычным делом. В глубине Пограничья имелся сводный оружейный склад, и каждый спешил туда, стараясь уложиться в отведённое для этого время. На каждого, потерявшего пулю, службой времени перевёртывались особые песочные часы, и в отсчитываемый ими срок Охотник был должен добраться до склада и вернуться обратно.

Художник же был возбуждён, и ему не терпелось обсудить увиденное. Ведь только что на них мчался этот Ужасный Гиперон и его потрясло видение Голубого Бизона.

– Как ловко, – повторял он, – махал ты цветами перед Гипероном, дразня и выматывая его. Ты вёл себя словно настоящий тореадор, а Гиперонище бросался и терял силы и на глазах становился всё мельче.

Опасность была позади и, как всегда водится, потянуло на разговоры. Но Маленький Охотник скупой отвечал, увлекая Художника в глубь страны. Он вёл себя так, словно не было его заслуги и всё случившееся – в порядке вещей.

– Я просто – маленький, и они промахиваются, – объяснял он, – потому что звери – близоруки и видят только перед носом, вблизи. Бывает, мы сшибаемся так, что только искры из глаз, но мы же – охотники... Здесь на границе водится самое крупное зверье из Антимира, дальше – в глубь страны зверье помельче. Вот почему в Пограничье, на границе Мира дежурят только храбрецы.

Художник шёл следом за капелькой и мог думать теперь о чем-угодно, ведь человек-капелька теперь не видел его.

– Нет, все-таки он – хвастун, – подумал Художник. – Он, конечно, смелый, ловкий, и всё-таки он – хвастун, как все Охотники.

– Тебя нельзя оставаться здесь, – повторял Маленький Охотник. Здесь могут жить только охотники. Вот я, получив на складе новую пулю, обязан тотчас вернуться на пост.

Пограничное поле.

Как они шли, трудно понять. Обозначенной дороги не было. И голубые, прозрачные холмы колебались в такт их шагам.

Они уже далеко ушли от границы. Художнику не терпелось о многом расспросить Маленького Охотника. Но как это сделать? Ведь человек-капелька шёл впереди и не видел его. Иногда он оборачивался и повторял:

– Пожалуйста, поскорее. Прошу вас. Пожалуйста.

Художнику надоело спешить. Ему хотелось поговорить. Но разговаривать на ходу было неудобно. В ложбине, между холмов открылась вдруг речка из киселя.

– Какая речка, – восторгался Художник. – Сказочная. Молочные реки, кисельные берега. А эта вся заросла киселём. Пожалуйста, я только посмотрю, есть ли среди кисельных топей струйки молока?

– Да, речка – сказочная, – подтвердил Маленький Охотник, – она из сказки, как говорится у нас, из Страны Грёз. Нам запрещается подходить ко всему необычному, из этой страны. Оно уводит в несбыточное.

Художник хотел было поподробнее порасспросить, но трудно было разговаривать на ходу.

– Взгляни, – показал ему Маленький Охотник, – там Манящий город. Он тоже из Страны Грёз.

В пустынном однообразии холмов, в их серой дали поднялись вдруг стены ослепительно белого города, а крыши в нём были разноцветные, разной формы – весело выглядели из-за подстриженной разноцветной растительности, напоминающей гигантскую морскую траву.

Спускаясь в долину, они было потеряли город из виду и снова увидели. И каждый раз город менялся, словно был перестроен заново или по-разному показывал себя. Теперь он выглядел крепостью, опоясанной тысячью рвов. Открывались ворота и по откинутым мосткам выносилась блестящая кавалькада всадников. Гарцевали рыцари с флажками на пиках, а на козлах высокой чёрной кареты сидел усатый сказочный Кот в сапогах, рядом с ним, что-то объясняя, сидел Буратино, а в окне кареты виднелся нежный профиль принцессы. Вдруг она поморщилась. Вероятно в этот момент под колесо попал камешек, размером с горошину и принцесса почувствовала его.

Местами город смотрелся прозрачным садом, в котором деревья должно быть были стеклянными и выглядели как следы на стекле, зато плоды были свежими и яркими и будто парили в воздухе. А вдоль тесноватых улиц выстроились хрустальные дома.

Другие дома висели в воздухе, и с них опускались вниз разноцветные лестницы, к которым привязывали обученных стрекоз в сверкающей сбруе с блестящими сёдлами.

На каждом повороте дороги город выглядел иначе. Но как бы он не менялся, отовсюду был виден высоко над домами на остроконечном шпиле сияющий золотой шар.

Дорога дальше сворачивала в сторону. Холмы заслонили город, и он было совсем исчез из виду. И стало не ясно: видели ли они этот город или он им померещился?

Художник старался не отставать. Он смотрел под ноги и старался не упустить перемены окраски Маленького Охотника. А тот розовел, рассказывая о своей стране, и все цвета его были чуточку розовыми.

Художник подумал и о нашем обычном Мире. Какой у нас расчудесный собственный мир, в котором, судя по сказкам, было когда-то немало волшебства, а теперь оно сохранилось разве что на окраинах Мира. И все равно – наш Мир прекрасен и ничего на свете нет лучше его.

Он всё позабыл: и про свою работу и об обещании Малышу. Таким было свойство здешней земли – Пограничья – забывать всё обычное, чтобы оставалась только здешняя жизнь, которая требует и зоркости и внимания, и здесь нельзя отвлекаться на постороннее. И все-таки воспоминание о покинутом Мире мелькнуло в его сознании: вспомнились земные закаты, горы, деревья, огни вечерних городов и утреннее пение птиц. Всё это вспомнилось как-то неясно, нестойким сонным воспоминанием и вместе с ним охватила сердце тоска, хотя грустить пока было некогда.

Кругом простиралась великая однообразная равнина. Холмы подрагивали и прогибались, вспыхивали и угасали. Местами скользили внутри холмов неясные фиолетовые тени. Художник и Маленький Охотник спешили в глубь страны: вверх-вниз, вверх-вниз по холмам, с холма на холм. И вскоре всё перепуталось: низ и верх, левая и правая сторона. Художнику временами казалось, что местами шли они вниз головой, а дальше точно плыли на боку.

Временами их словно током подёргивало, и волосы становились дыбом, в других местах их будто притягивал спрятанный магнит.

– Как это всё называется? – спросил, показав вокруг, Художник.

– Это наше поле, – ответил Маленький Охотник.

"Какое же это поле?" – подумал Художник, и он представил себе земное поле, зелёное, в цветах или осеннее жёлтое, в колосьях и синее небо над ним. А Маленький Охотник шагал себе впереди и был доволен здешним собственным полем. Хотя чему было, собственно, радоваться? Здешнее поле выглядело голым и пустым, точно болото. Местами оно искрилось разрядами крохотных электрических искр.

– Мне нравится именно это место, – объяснил Маленький Охотник, – А вот почему, не знаю, сказать не могу, но каждый раз в этом самом месте меня тянет улыбнуться.

И он порозовел улыбаясь.

– А в этом месте безо всяких на то видимых причин меня тянет проскакать на одной ноге. Просто это всегда здесь в голову приходит и сейчас пришло.

И человек-капелька сначала м, а затем покрутился на одной ножке. И был при этом так доволен, что Художник снова подумал: у каждого – собственное поле, любимое, своё.

На привале

Привал они сделали у большой воронки. Какая-то тёмная жидкость то выступала, то снова всасывалась в неё. Сначала Маленький Охотник, уцепившись обеими руками за холм, потянул его на себя и сделал около воронки бугор. Затем залез на этот бугор и начал вглядываться в воронку. Из лучинок, торчащих среди холмов, он сделал острое копьё и застыл не шевелясь, приготовившись. Набежала жидкость, и Охотник проворно сунул в неё копьё. На острие копьё оказалась лягушка. Она тотчас превратилась в рыбу, которая раздулась, из её боков выросли шипы. Тут она засветилась, а шипы сделались лучами. Маленький Охотник тряхнул копьём, и светящийся шар поплыл над холмами. Маленький Охотник наколол его на копьё. Шар лопнул, раскололся на тысячи искорок, и Маленький Охотник поймал их пригоршню и протянул Художнику.

– Пожалуйста, угощайся.

Художник удивился и заставил себя взять в рот эти искорки. Они оказались вкусными, как ананас и вместе с тем как клубничное кремовое пирожное. И с каждой искоркой Художник чувствовал прилив новых сил.

А Маленький Охотник пускал в плаванье новые шары. Он дожидался пока шар несколько раз поменяет свой цвет и потускнеет, став нежнокоричниевым, тогда он прокалывал его копьем. Затем ловил коричневый шар в ладони, обжигаясь, перебрасывал, и отрывая от шара кусочки, отправлял их в рот или протягивал Художнику. Ах, какое это было объедение. Кусочки шарика напоминали горячие пончики, брусничное желе, сахарную пену и горячее мороженое. Они съели ещё несколько шаров, напоминавших свежую дыню, мятный леденец, шоколад и крем-брюле и почувствовали необыкновенную бодрость и прилив сил, так что готовы были идти теперь очень далеко. А потому они это так и сделали, сбросив остатки пищи в воронку. Маленький Охотник расправил холм, и они снова двинулись в направлении, известном лишь Маленькому Охотнику.

Теперь, когда Маленький Охотник позавтракал, он стал пушистым от цветов. Цветы, появляясь, были нежно белыми и чуть голубыми, но когда они расцветали, то составляли разноцветную клумбу. Охотник бросал их и тут же ловил и делал это непрерывно и ловко. Художник помнил, как ловко Маленький Охотник крутил букет перед мордой Гиперона и даже царапал ему нос. И Гиперон, сердясь бросался за букетом, а Охотник увёртывался. Но для чего теперь нужно было бросать и ловить цветы, он понять не мог.

– А для того, чтобы тренироваться, – объяснил Маленький Охотник, – Вот ты, например, не сумеешь поймать цветок, а цветок у нас не бывает сам по себе. Лови. И он бросил Художнику расцветающий белый цветок. Пока цветок летел к нему, он пожелтел. Как ни старался Художник, он не сумел его поймать. И цветок, упав, сделался оранжево-красным, а затем отчаянно заалел, а потом заискрился и вспыхнул так, что глазам стало больно, и искры брызнули, разлетелись по сторонам. А там, где только что лежал цветок, стало пусто.

– Ну, что особенного, – убеждал сам себя Художник, – вот и у нас, если вырвать из клумбы цветок и оставить его без воды, он измениться: завянет и пропадёт. Но как умело бросает цветы Маленький Охотник. Они у него словно рукавички у маленьких, которые чтобы не потерялись, привязывают на резиночках. Тогда бросай их сколько угодно: они вернуться. А как жонглируют в цирке. Но жонглёры подбрасывают предметы вверх, а Маленький Охотник умудрялся бросать их в разные стороны.

– Я ведь пока – Маленький Охотник, – объяснил он, – но обязательно стану Великим Охотником, и нужно уметь отбрасывать цветы. Это обманывает зверей, – объяснял Маленький Охотник, – а если цветы не ловишь, растеряешь в два счёта. Искусство в том и состоит, что нужно так скоро и ловко отбросить цветок, чтобы и сам цветок не заметил, что его отбросили, и продолжал цвести. Лови.

И Маленький Охотник снова бросил цветок, он пролетел теперь очень близко от Художника, так близко, что стал виден его каждый лепесток. Художник бросился к нему и помещал Охотнику снова его поймать, и Художник увидел, что, увядая, цветок превратился в двух искрящихся шмелей.

Но он уже знал, что это были не шмели, а электрические пули – Электры. У каждой, было по тысяче ртов. Одна из Электр выглядела грустной и постоянно кривила рты. Другая улыбалась. Во ртах обоих, должно быть, были золотые зубы, сверкавшие золотыми зайчиками.

Электры большими шмелями закружили друг около друга. Художник ждал, когда же они, наконец, разлетятся и превратятся в мерцающие огоньки. Однако Электры не думали разлетаться и кружили рядом. Всё быстрее и быстрее.

Электры дрожали от нетерпения, и вот вертясь в бешеном хороводе, они слились в один общий ком и вдруг вспыхнули слепящим пламенем. Художник и глазом не моргнул, как их не стало, а ловкий Маленький Охотник успел поймать парочку искорок и протянул их Художнику.

Но есть уже не хотелось, и они стали перекидываться искорками, как снежками, и от этого их потянуло друг к другу.

– И это – свойство нашей страны, – объяснил Маленький Охотник. – По нашим правилам поведения рукопожатия Охотникам запрещены, но мы перебрасываемся комочками света – фотонами и нас от этого тянет друг к другу.

Художник тут же подумал: “Что же тут особенного?” Ему хотелось доказывать, что и у него – замечательный Мир, хотя никто с ним не спорил об этом.

– И в нашем Мире обменяешься с кем-нибудь взглядами и тебя потянет к этому человеку. И сколько можно расхваливать свою страну? Её нужно просто любить и не распространяться об этом. Ведь тот, кто действительно крепко любит, не очень об этом говорит.

– Послушай, Маленький Охотник, – попросил он, – объясни. Мне показалось, что одна пуля выглядела грустной, а другая весёлой и бесшабашной.

– А так оно и есть: наша пуля – грустная, а та, что из Антимира, всегда беспричинно весела. Такой у неё характер.

Художник вспомнил, что перед тем, как сцепиться, Электры, приглядываясь, кружили друг подле друга. Одна с тоской и грустью, другая весело и беззаботно.

– А отчего ваша Электра – грустная?

– Да, просто жизнь у неё безрадостная. Что может быть доброго в пуле, созданной для стрельбы? Быть пулей, вцепляться в каждого, что в этом хорошего? А в Антимире ведь всё наоборот, и считается доблестью – ударить встречного, и пуле весело от этого дела, по их понятиям геройского.

– Но почему ты тогда одну из них не схватил?

– Так ведь она – не ручная. Здесь крутится много разных пуль. Из пустоты они появляются парами, и не успеешь схватить, как они сцепливаются.

– Всегда?

– Всегда.

– Но нас же двое. Ты хватай одну, а другую я отгоню. Давай попробуем?

– Хорошо. Попробуем. Я вызову пули из пустоты.

Маленький Охотник затряс ближайший холм. Опять выглянули пучеглазы и наглые бокогреи. Что-то сверкнуло из глубины и появились пули – весёлая и грустная. Вблизи было видно, что за пулями тянется блестящий шлейф их длинного платья. Кусочки его отрывались и становились самостоятельными, разлетаясь по сторонам. И в разных концах страны становилось известно, что появились новые пули. Все это разом чувствовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.